

In Memoriam

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЛЮБОВИ МИРЗАЕВНЫ АДИНАЕВОЙ

Мысленно обращаясь к личности человека, много лет работавшего рядом, но уже ушедшего из жизни, вузовский языковед, как и любой другой учёный, посвятивший себя преподаванию в высшем учебном заведении, чаще всего вспоминает результаты двух форм деятельности своего коллеги: количество и научную состоятельность учеников, им подготовленных, и качество, количество и степень жанрового разнообразия научных текстов, им опубликованных.

Такового рода результаты легко поддаются количественному учёту и общему качественному оцениванию. По отношению к людям подобные оценки опираются на определение успешности дальнейшей карьеры учеников и последователей, а по отношению к научным трудам способность этих текстов уже в отсутствии их создателя сохранять содержательную значимость, актуальность и востребованность.

Однако, как бы конкретно ни складывались два аспекта характеристики ушедшего из жизни коллеги, в первую очередь, они свидетельствуют лишь о том, что он, как и другие члены данного научно-педагогического сообщества, занимал в нём достойное место и был полезен не только своему профессиональному окружению, но и любому другому родственному.

Качества же, присущие только этому человеку, создавшие его неповторимую индивидуальность, вписавшие его личность в сложное интеллектуальное пространство, основанное на двух противоположных началах – абсолютно коллективистском (преподавании) и совершенно индивидуализированном (собственно научное творчество), остаются обычно за пределами воспоминаний, хотя именно они позволяют сохранять в мире живых образ ушедшего.

Попытаемся сказать хотя бы об одной подобной черте Любове Мирзаевны Адинаевой.

Речь идёт о её удивительной способности ощущать язык как уникальный живой мир, соединяющий в себе всеобъемлющую стойкость и высокие традиции с безграничной, фантастической изменчивостью.

То, что она сама думала о языке и говорила о нём в учебной аудитории, всегда сохраняло острую свежесть этого великого противоречия, даже когда касалось таких областей наших знаний о языке, которые привычно казались полностью стабильными, почти рутинными.

Своё обычное отношение Любови Мирзаевны к языковым фактам строилось на бережном их выявлении, осмыслении, счастливо дополненном отважной и действенной верой в неиссякаемую чудесность языкового феномена в целом.

Такое восприятие объекта своего научного творчества превратило стиль адинаевского общения (включая и преподавание) в атмосферу самой её жизни, а неустанный научный поиск – в неотъемлемую составляющую её духовного совершенствования. А это в свою очередь обнаруживало не только истинно гуманитарную суть языкознания, но и глубинную природу работавшего в нём языковеда-гуманитария.

Л. В. Кац,

канд. филол. наук, доцент.

Весть о кончине Любови Мирзаевны Адинаевой была для нас, знавших и любивших ее, оглушительной, хотя мы знали, что она не первый год борется с беспощадным недугом. Ее умение мужественно переносить болезнь поражало. Ни отчаяния, ни жалоб, ни депрессии. Она всегда оставалась удивительно спокойной, дружелюбной, с ясным умом и непоколебимым присутствием духа. По ней можно было сверять все: она жила по гамбургскому счету.

У нее, изящной и хрупкой женщины, был глубокий, звучный и при всем при этом очень теплый голос. Когда начинала говорить, само собой слушалось. Звучало достоверно и точно. Сразу становилось ясно, что все, слова, смыслы, взвешивались на невидимых и точных весах. Это был, если можно так выразиться, «нравственный тяжеловес».

Не каждому доводится за свою, казалось бы, недлинную жизнь, столько переувесить, не раз начать с нуля и пересоздать себя, не изменяя себе, как удалось это Любе.

Помню первую встречу с ней. Она шла в компании веселых девушек. Среди них выделялась одна. Статная, пышущая здоровьем, задорная, звонкая. Это была Люба.

Следующая встреча была много позже, на городском филологическом семинаре. Внешне это был уже совершенно другой человек. Не то, чтобы болезнь оставила свой отпечаток, она ее «отточила», сформировала, придала ее облику удивительную завершенность. Астеническая внешность, тонко и точно, будто изящным инструментом, отточенные черты лица, глубокий, спокойный взгляд. Ничего лишнего, броского. Она была прекрасна. Думаю, это замечали все. И учились, глядя на нее. Однако это была красота, за которую Люба дорого заплатила.

На заседания семинара она приезжала в сопровождении отца, с ним же потом уезжала домой. И все наши попытки как-то проводить ее, помочь подняться по лестнице или спуститься, категорически отвергались. Она не принимала поблажек. Болезнь жила в ней как неотъемлемая часть ее самой и помогала, как ни странно, жить полной жизнью.

Люба была профессиональна. Казалось, ничто не может препятствовать ей думать о деле. Она всегда была в теме. Умела моментально и в то же время очень вдумчиво размышлять о предмете, демонстрируя свежий взгляд на устоявшиеся представления.

Постепенно болезнь брала верх. Она стала реже появляться на наших семинарах. Потом совсем ушла. Будто в никуда. И нам ее не хватало. Из семинара ушла какая-то очень важная составляющая. Может быть, самоотверженность, которой мы у нее учились.

Х. И. Исламджанова, д.ф.н., профессор.